

Древняя Греция и Рим. Эллинизм

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 22–29
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 22–29
© Автор(ы) 2016

ПАТРИОТИЗМ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АРХАИЧЕСКОЙ ИОНИИ

М. Ю. Лаптева

*Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета, Тобольск,
mlapteva1@ya.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются специфические черты патриотизма в истории Ионии VIII–VI вв. до н. э. Аристократический характер власти в ионийских общинах, полуварварское происхождение правящей элиты, имевшей политические, ксенические и матримониальные связи с аристократией восточных соседей – отличительная черта социальной и этно-политической идентичности ионийских греческих полисов. Это отразилось на представлениях о полисном патриотизме, допустимости сотрудничества с врагами, а также – политической практике ионийцев. В начале архаического периода патриотизм ионийцев был связан с деятельностью Панионийского военно-политического союза. К VI в. до н. э., обозначилась неравномерность политического развития ионийских полисов и их статусов в отношениях с восточными государствами. Общеионийские цели уступили место потребностям и интересам каждого государства в отдельности. Все это обусловило отсутствие единства и солидарности среди ионийских полисов во время Ионийского восстания, прагматизм в их отношениях с Лидией и державой Ахеменидов. Автор не рассматривает эти факты как предательство или коллаборационизм, а считает их особым проявлением ионийского полисного патриотизма.

Ключевые слова: патриотизм, предательство, коллаборационизм, Иония, Ионийское восстание

Тема древнегреческого патриотизма, его общегреческих особенностей и конкретного содержания в исторических сочинениях и ораторской прозе классическо-

Лаптева Марина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и методик преподавания Тобольского педагогического института им. Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета в г. Тобольск. E-mail: mlapteva1@ya.ru

го периода неоднократно рассматривалась в статьях и монографиях российских исследователей (С. Я. Лурье, Э. Д. Фролов, С. Г. Карпюк, Х. Туманс, Э. В. Рунг)¹. Источники по истории архаической Ионии позволяют поставить эту проблему в более раннем (VIII–VI вв. до н. э.) и ином локальном контексте.

Особенностью мира ионийских полисов со времени их основания в XI в. до н.э. было постоянное взаимодействие с племенами и государствами Ближнего Востока (Египет, Фригия, Лидия, держава Ахеменидов). С конца VII в. до н.э. ионийские общины находились в зависимости от Лидийского царства, а с середины VI в. до н. э. входили в состав первой сатрапии державы Ахеменидов (Hdt. I, 15–22; 141, 143; III, 90). Особенностью социально-политической организации ранних ионийских полисов был ярко выраженный аристократический характер политической власти, полуварварское происхождение части аристократической правящей элиты, её тесные политические, ксенические, матримониальные связи с аристократией восточных соседей². Это своеобразие социальной и этнополитической идентичности ионийских полисов наложило печать на представления ионийцев о полисном патриотизме и его противоположности – предательстве родного полиса, сотрудничестве с его врагами, а также на политическую практику его граждан.

Понимание патриотизма как любви к своему дому и общине, готовность защищать их от внешних врагов, тоска по родным и домашнему очагу, родине, утраченной вследствие внешних и внутренних политических катаклизмов, выразительно представлены в поэзии восточных греков – Гомера, Мимнерма, Ксенофана, Алкея, Сапфо (Od. IX, 34–36; Mimn. fr. 21, 23 Gentili–Prato; Xen. fr. 8, 22 Diels – Kranz; Alkaios, fr. 40–41 Lobel–Page; Sappho, fr. 74 Lobel–Page).

В то же время полисный патриотизм ионийцев был неразрывно связан с представлениями о всеионийском единстве, освященном культом Посейдона Геликонского, на алтаре которого, расположенном на невысоком холме, примыкающем к горной цепи северо-западной части полуострова Микале, ионийцы ежегодно приносили жертвы во время праздника Панионии (Hdt. I, 148)³. Панионийская солидарность восточных греков-мигрантов особенно проявилось в период их первоначального обоснования в XI–IX вв. до н. э. на землях Западной Анатолии и в ходе последующих войн за жизненное пространство с местным населением. В то время независимость и экономическое процветание каждой ионийской общины зависели от их сплоченных действий в военно-политическом Панионийском союзе⁴.

Однако к VI в. до н. э. обозначилась неравномерность политического развития и политических статусов ионийских полисов перед лицом могущественных восточных соседей, а общеионийские цели отступили перед проблемами и потребностями каждого полиса в отдельности.

Первые признаки ослабления общеионийского единства стали видны в период завоевания Ионии полководцем персидского царя Кира II Гарпагом. Как свидетельствуют Геродот и Диоген Лаэртский, Милет, единственный из всех ионийских

¹ Лурье 1947, 33–98; Фролов 1991, 34–36, 115–116, 148 слл.; Туманс 2012; Рунг 2013а, 2013б; Карпюк 2014.

² Лаптева 2009, 295–297.

³ О Панионийском союзе: Лаптева 2006; 2007.

⁴ Лаптева 2006; 2009, 101–119.

полисов, предусмотрительно заключил с персами сепаратный мирный договор (Hdt. I, 141, 143, 149; Diog. Laert. I, 25)⁵. Остальные ионийцы отправили послов в Спарту с просьбой о помощи, возводили стены и оборонялись от штурмующих их персов (Hdt., I, 141, 152, 161–162, 164, 169).

В это же время хиосцы из страха перед персами вытащили из храма Афины мятежного лидийца Пактия, искавшего там защиты, и, невзирая на предостерегающего от этого нечестия оракул Аполлона в Дидимах, выдали Пактия персам (Hdt. I, 153–161).

Ослабление общеионийской солидарности, измена общему делу защиты родины от внешнего врага и даже пособничество персам были обычным делом и во время Ионийского восстания. Так, самосцы, имевшие 60 кораблей, покинули морское сражение между ионийским и персидским флотом у берегов Милета и внесли этим разлад в ряды восставших (Hdt. VI, 13). Геродот объясняет этот поступок тем, что самосцы поняли безнадежность сопротивления персам и опасались за судьбу своего полиса (Hdt. VI, 13: «...βουλομένους εἶναι χρηστούς, ἐν κέρδει ἐποιεῦντο περιποιῆσαι τὰ τε ἰσὰ τὰ σφέτερα καὶ τὰ ἴδια» – «...ведь для них было важнее всего спасти от гибели храмы богов и свое имущество»). Впрочем, он же отмечает, что не все самосские триеры взяли курс на Самос по приказу своих стратегов. Триерархи одиннадцати триер не подчинились стратегам и остались сражаться вместе с остальными ионийцами. Этот подвиг самосцев их сограждане отметили памятной стелой, запечатлевшей имена героев (Hdt., VI, 14).

Что же касается стратегов, покинувших поле сражения, то, вероятно, не последнюю роль в этом сыграли увещевания бывшего самосского тирана Эака (в начале Ионийского восстания низложенного Аристагором, одним из руководителей этого восстания). Эак, по словам Геродота, и раньше подбивал сограждан на измену общему делу (Hdt. VI, 13). Накануне же морского сражения при Ладе он, как и другие свергнутые тираны, находившиеся на кораблях персов, обещал ионийцам, выполняя поручение персидских военачальников (Артафрена и Отана – Hdt. V, 122, 123), амнистию и неприкосновенность их имущества и храмов (Hdt. VI, 9). Очевидно, что самосцы не были единодушны относительно власти Ахеменидов, и это нашло отражение в политической практике этого полиса, показывающей как примеры полисного патриотизма, так и предательства в современном понимании этих слов.

Пример нейтралитета во время завоевания Ионии персами и в дальнейшем, во время Ионийского восстания, показывает Смирна. Геродот не упоминает об участии Смирны в каких-либо кампаниях во время Ионийского восстания, не говорит о штурме или разрушении её стен персами ни в период завоевания Ионии персами, ни при подавлении Ионийского восстания. Согласно Страбону (XIV, 1, 37) после войны Смирны с Алиаттом она в течение 400 лет представляла собой сельскую местность (Λυδῶν δὲ κατασπασάντων τὴν Σμύρναν περὶ τετρακόσια ἔτη διετέλεσεν οἰκουμένη κωμηδόν). Вероятно, поэтому в зарубежной историографии до конца XX в., а в отечественной и по сей день существует мнение о том, что Смирна или была целиком разрушена, или же влачила жалкое существование после завоевания её лидийским царем Алиаттом в конце VII в. до н. э.⁶

⁵ См. подробнее: Лаптева 2009, 362, прим. 7.

⁶ Кобылина 53, прим. 8; Суриков 2014, 32; cf.: Jeffery 1978, 225.

Однако археологическая картина Смирны VI в. до н. э. не соответствует облику οἰκουμένην κομῆδόν Страбона. М. Акургал, на протяжении двух последних десятилетий руководившая раскопками в Смирне, считает период с конца VII в. до н. э. до середины VI в. до н.э. самым ярким в истории архитектуры архаического города⁷. Археология свидетельствует о быстром восстановлении и даже процветании города в VI в. до н.э. Жители Смирны заново отстроили стены, используя уникальную полигональную кладку, возвели вторую линию оборонительных укреплений. В городе были водопровод и фонтан. Храм Афины реконструируется и украшается новыми статуями, появляются новые частные и общественные здания. В конце архаического периода Смирна чеканит электровую монету⁸. Погребальный инвентарь городского некрополя, расположенного на юго-востоке города, между старыми и новыми стенами, демонстрирует состоятельность горожан в первой половине VI в. до н.э.⁹ Иначе говоря, в VI в. до н.э., согласно данным археологии, город процветал и не обнаруживал (если учитывать *argumentum ex silentio* исторической традиции) недовольства властью персов.

Что же касается эфесян, то в конце Ионийского восстания они поступили откровенно предательски по отношению к соплеменникам. Согласно Геродоту, эфесяне напали на хиосцев, отступавших после поражения в морском сражении у побережья Милета, сначала через полуостров Микале, затем по прибрежным землям Эфеса (Hdt. VI, 15–16). Геродот оправдывает это предательское поведение неосведомленностью эфесян относительно морской битвы, в которой принимали участие хиосцы, а также тем, что они приняли хиосцев за разбойников, собирающихся напасть на их женщин, справляющих праздник Фесмофорий. Однако решение относительно морского сражения у берегов Милета принимали все члены Панионийского союза, в том числе – Смирна и Эфес (Hdt., VI, 7–8), поэтому прав Г. Хаксли, увидевший в этом поступке эфесцев, тесно связанных с лидийцами и персами торговыми, религиозными и личными узами, стремление угодить Ахеменидам¹⁰.

Впрочем, примеры внешне противоположные – сопротивление власти Ахеменидов – отнюдь не всегда были следствием только патриотических побуждений ионийских городов и их правящей элиты. Так, тираны Аристагор и Гистией втягивают Милет и другие ионийские города в восстание против персов в своих личных и корыстных интересах (Hdt. V, 30–38, 124; VI, 1–3). Аналогично лидийцу Пактию удается на конфискованное золото Креза и других лидийцев, отданное ему на хранение Киrom Великим, нанять наемников из ионийских городов и убедить их выступить в поход против персидского сатрапа Табала (Her. I, 153–154).

Можно ли рассматривать большинство из этих постыдных в нашем понимании фактов («дело» Пактия, измену самосцев в морской битве при острове Лада, пособничество персам эфесцев, нейтралитет Смирны в период Ионийского восстания) в современных представлениях о предательстве или коллаборационизме? Как относились к этим событиям наши источники, например, Геродот и Диодор?

⁷ Akurgal 2007, 125–136.

⁸ Akurgal 2007; Graeves, Rubinstein 2004, 1099–1101; Kraay 1976, 32.

⁹ Akurgal 2009.

¹⁰ Huxley 1972, 151.

Как сами ионийцы объясняли свое персофильство, забвение общеионийских целей, слабость и трусость перед лицом врагов?

Мотивы поведения ионийцев, которые сопоставимы с современными представлениями о коллаборационизме, становятся понятны, если принять во внимание отношение к восстанию одного из его участников – милетского логографа Гекатея. Советник милетских тиранов Аристагора и Гистиея, пробул Панионийского союза Гекатей был противником восстания из-за явного превосходства сил персов и видимого всем могущества державы Ахеменидов (Hdt., V, 36). Сам же Геродот, наш главный информатор об этих событиях, считал, что ионийцы, поднявшие восстание против персов, были одержимы ἀγνωμοσύη – безрассудством, и порицал их за то, что они не пошли на предательство (προδοσίη) панионийских интересов, когда персы предложили им добровольно сложить оружие на условиях прежнего, милостивого к ним отношения (Hdt. VI, 90: Οἱ δὲ Ἴωνες, ἐς τοὺς καὶ ἀπίκοντο αὐταὶ αἱ ἀγγελῖαι, ἀγνωμοσύνη τε διεχρέωντο καὶ οὐ προσίεντο τὴν προδοσίην...).

Вероятно, дело здесь не в «злокозненности» Геродота, его стремлении подчеркнуть и выставить напоказ низменные стороны человеческой природы, в чем обвинял его Плутарх (De Herod. malign. XX, XXIV), а в понимании галикарнасским историком, хорошо осведомленным в ионийских делах, ионийского патриотизма как политической мудрости и целесообразности для каждого полиса тех или иных действий в межгосударственных (как внутриионийских, так и с восточными соседями) отношениях¹¹.

Во время ионийского восстания каждый полис стоял перед выбором: быть верным общеплеменному всеионийскому единству, фактически утратившему свое первоначальное военно-политическое значение, или сохранить автономию и благополучие своего государства ценой компромисса, нейтралитета или даже измены общему делу.

Все это можно рассматривать не как предательство или коллаборационизм, а как политический прагматизм, который, вероятно, и был основой ионийского полисного патриотизма. Участие в совместных военных предприятиях ионийцев в период Ионийского восстания во имя общих целей не исключало предательство и пособничество одних из них (Самос, Эфес) или нейтралитет других (Смирна), если панэллинский патриотизм вступал в противоречие с их полисными интересами.

Следует учитывать также ориентированность экономики некоторых ионийских общин на восточные рынки (Эфес), матримониальные, ксенические, политические и религиозные связи аристократии этих полисов с восточными соседями (Милет, Эфес)¹², а также политическую самодостаточность и независимость островных полисов (Самос, Хиос) от восточных государств. Эти обстоятельства обусловили отсутствие единства и солидарности среди ионийских полисов в период завоевания Ионии персами и во время Ионийского восстания.

Если же говорить не о полисном патриотизме и предательстве, а о личных примерах этого рода, то история Ионии VI в. до н. э. дает наиболее выразительные примеры как преданности ионийцев родному полису, так и предательства обще-

¹¹ Подробнее об отношении Геродота к власти персов над азиатскими греками: Лурье 1947, 65 слл.

¹² Лаптева 2009, 295–297, 387–388.

ионийских интересов. Так часть фокейцев, покинувших родной город во время завоевания Ионии Ахеменидами, чтобы избежать порабощения персами, оказалась не в силах преодолеть охватившую их тоску по родине и вернулась в город, уже захваченный персидским полководцем Гарпагом (Hdt. I, 165). Хиосцы же и фокейцы во главе со стратегом Дионисием доблестно сражались в конце Ионийского восстания у острова Лада у побережья Милета, не поддавшись общей панике, охватившей флот ионийцев (Hdt. VI, 15, 17).

Образцом патриота Ионии и Милета предстает логограф Гекатей, советник милетских тиранов Аристагора и Гистиея. Он был противником восстания ионийцев. После того как ему не удалось убедить тирана Аристагора и его сторонников в безнадежности этого восстания, Гекатей подавал согражданам ценные советы, имевшие целью сохранить свободу и автономию ионийских полисов (Hdt. V, 36, 125, 126; VI, 137). Когда после подавления восстания Милет подвергся разграблению и разрушению, а уцелевшие жители были угнаны в рабство, Гекатей возглавил посольство ионийских городов к сатрапу Артаферну. Как это представляет Диодор Сицилийский (X, 24, 4), Гекатей убедил сатрапа быть к ионийцам милостивым, а также способствовал заключению выгодного мирного договора. Если Диодор отмечает смелость и решительность Гекатея, то Геродот подчеркивает его патриотизм, сочетающийся с благоразумием и смирением. Вместе с тем Геродот видит разницу между патриотизмом Гекатея и псевдопатриотизмом Аристагора и Гистиея (V, 124–126; VI, 1–5).

Что же касается противоположных примеров, то в глазах современников предателем был Еврибат из Эфеса, переметнувшийся вместе с золотом Креза, доверившего ему нанять наемников для защиты лидийских владений, к персидскому царю Киру Великому (Diod. IX, 32). Имя Еврибата стало нарицательным, оно встречается в философской и риторической литературе для обозначения высшей степени нравственной деградации и бесстыдного предательства (Plat. Prot. 327 b; Aischin. In Ctesiph. 137; Demosth. De corona, 24). Но кого предает Еврибат? Это не предательство родного полиса. Еврибат предает не Эфес, а доверие Креза, своего патрона и гостеприимца. Древние авторы единодушно осуждают этот поступок, характеризуя его как коварство, ложь, мошенничество (*μαγεία, γοητεία, πανούργια, ἀπάτη*), как подлость и порочность (*πονηρία, μοχθερία*), поведение недостойное гражданина и честного человека (Demosth. De corona, 24: *Εὐρυβάτου πρᾶγμα, οὐ πόλεως ἔργον οὐδὲ χρηστῶν ἀνθρώπων διεπράττεσθε*). Вместе с тем возможен и неожиданный поворот этой темы. Подлый поступок Еврибата принес Эфесу политическую выгоду: город избежал штурма и разграбления, как другие ионийские города, завоеванные персидским полководцем Гарпагом. Однако в глазах заморских ионийцев (Платона, Демосфена, Эхина, Эфора, источника для Диодора Сицилийского) нравственное падение этого эфесца перечеркнуло, по всей видимости, прагматически-патриотические мотивы его поступка.

Таким образом, можно предположить, что ионийский патриотизм требовал от граждан и политической элиты не только прагматичности, понимания выгод текущего момента, учета конкретных и сиюминутных интересов родного полиса, но и нравственной чистотности его граждан.

ЛИТЕРАТУРА

- Карпюк, С.Г. 2014: Взгляды Ксенофонта на патриотизм. *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* 14, 347–356.
- Кобылина, М.М. 1965: *Милет*. М.
- Лаптева, М.Ю. 2006: Панионий: амфикиония, симмахия или этнический союз. *Studia Historica* VI, 3–24.
- Лаптева, М.Ю. 2007: Мелийская война в истории архаической Ионии. *Поволжский антиковедческий журнал. Antiquitas aeterna* 2. *Война, армия и военное дело в античном мире*. Казань–Нижегород–Саратов, 9–18.
- Лаптева, М.Ю. 2009: *У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н.э.* СПб.
- Лурье, С.Я. 1947: *Геродот*. М. –Л.
- Рунг, Э.В. 2013а: Понятие патриотизм и его древнегреческие коннотации. *ПИФК* 2 (40), 304–314.
- Рунг, Э.В. 2013b: Панэллинизм и мидизм в истории Фив классического периода. *Мнемон* 12, 81–98.
- Суриков, И.Е. 2014: Греческая архаика как историческая эпоха: современный взгляд. Первая половина (IX–VIII вв. до н. э.). *Мнемон* 14, 27–50.
- Туманс, Х. 2012: Сколько патриотизмов было в Древней Греции? *Studia historica* XII, 3–32.
- Фролов, Э.Д. 1991: *Факел Прометейя*. Л.
- Akurgal, M. 2007: Hellenic Architecture in Smyrna 650–546. In: J. Cobet, V. von Graeve, W-D. Niemeier, K. Zimmerman. (hrsg.). *Frühes Ionien eine Bestandsaufnahme. Panionion – Symposium Güzelçamlı 26 September–1 Oktober 1999*. Mainz am Rhein, 125–136.
- Akurgal, M. 2009: Bayraklı Höyüğünde, Arkaik Döneme ait Küçük Bir Mezarlık ve Bazı Buluntular. *Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi* 2, 51–71.
- Greaves, A.M., Rubinstein L. 2004: Ionia. In: M. H. Hansen and T. H. Nielsen (eds.). *An Inventory of Archaic and Classical Poleis. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Oxford, 1053–1107.
- Greaves, A.M. 2010: *The Land of Ionia: Society and Economy in the Archaic Period*. Malden.
- Huxley, G.L. 1972: *The Early Ionians*. 2 nd. ed. New York.
- Jeffery, L.H. 1978: *Archaic Greece. The City-States c. 700–500 B. C.* London.
- Kraay, C.M. 1976: *Archaic and Classical Greek Coins*. London.

REFERENCES

- Akurgal, M. 2007: Hellenic Architecture in Smyrna 650–546. In: J. Cobet, V. von Graeve, W-D. Niemeier, K. Zimmerman. (hrsg.). *Frühes Ionien eine Bestandsaufnahme. Panionion – Symposium Güzelçamlı 26 September–1 Oktober 1999*. Mainz am Rhein, 125–136.
- Akurgal, M. 2009: Bayraklı Höyüğünde, Arkaik Döneme ait Küçük Bir Mezarlık ve Bazı Buluntular. *Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi* 2, 51–71.
- Frolov, E. D. 1991: *Fakel Prometeya*. Leningrad.
- Greaves, A.M. 2010: *The Land of Ionia: Society and Economy in the Archaic Period*. Malden.
- Greaves, A.M., Rubinstein, L. 2004: Ionia. In: M. H. Hansen and T. H. Nielsen (eds.), *An Inventory of Archaic and Classical Poleis. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Oxford, 1053–1107.
- Huxley, G.L. 1972: *The Early Ionians*. 2 nd. ed. New York.

- Jeffery, L.H. 1978: *Archaic Greece. The City-States c. 700–500 B. C.* London.
- Karpyuk, S.G. 2014: Vzglyady Ksenofonta na patriotism. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* 14, 347–356.
- Kobylyina, M.M. 1965: *Milet*. Moscow.
- Kraay, C.M. 1976: *Archaic and Classical Greek Coins*. London.
- Lapteva, M.Yu. 2006: Panioniy: amfiktionia, simmakhia ili etnicheskii soiuz. *Studia Historica* VI, 3–24.
- Lapteva, M.Yu. 2007: Meliiskaia voina v istorii arkhaischeskoi Ionii. *Antiquitas aeterna* 2. *Voina, armia i voennoe delo v antichnom mire*. Kazan–Nizhniy Novgorod–Saratov, 9–18.
- Lapteva, M.Yu. 2009: *U istokov drevnegrecheskoi tsivilizatsii: Ionia XI–VI vv. do n. e.* Saint-Petersburg.
- Lur'e, S.Ya. 1947: *Gerodot*. Moscow–Leningrad.
- Rung, E.V. 2013a: Ponyatie patriotism i ego drevnegrecheskie konnotatsii. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 2 (40), 304–314.
- Rung, E.V. 2013b: Panellinizm i midizm v istorii Fiv klassicheskogo perioda. *Mnemon* 12, 81–98.
- Surikov, I.E. 2014: Grecheskaya arkhaiskaia kak istoricheskaya epokha: sovremennyy vzglyad. Pervaya polovina (IX–VIII vv. do n. e.). *Mnemon* 14, 27–50.
- Tumans, Kh. 2012: Skol'ko patriotizmov bylo v Drevney Gretsyy? *Studia historica* XII, 3–32.

THE PATRIOTISM AND TREACHERY IN THE HISTORY OF ARCHAIC IONIA

Marina Yu. Lapteva

Tobolsk Pedagogical Institute named after D. I. Mendeleev (branch) of the University of Tyumen in Tobolsk, Russia,
mlapteval@ya.ru

Abstract. The article deals with the specific features of Greek patriotism in the history of Ionia of the 8th – 6th centuries BC. The aristocratic nature of power in the Ionian communities, semi-barbarian origin of the ruling elite, which had political, friend and matrimonial ties with the aristocracy of the eastern neighbors is a distinctive feature of the social and ethno-political identity of the Ionian polities. It was reflected in the concept of polis patriotism and collaboration with the enemies and in political practices of the Ionians. At the beginning of the Archaic period the Ionians' patriotism was associated with activity of Pan-Ionian military-political alliance. By the 6th century BC the political development and status of each Ionian polis in relations with the eastern states gave the individualism in needs and interests of each state separately. All this caused the lack of unity and solidarity among the Ionian states in the course of the Ionian revolt, the pragmatism in relations with Lydia and the Achaemenids. The author does not determine these facts as a betrayal or collaboration, and considers them as a special manifestation of the Ionian polis patriotism.

Key words: patriotism, treachery, collaboration, Ionia, Ionian revolt

---
